

**Экспедиция графа М.С. Воронцова в Дарго летом 1845 г.
(свидетельства и оценка современников)**

План экспедиции в сердце родины горцев – Дарго, бывшей резиденцией имама Шамиля, был составлен в Петербурге и в готовом виде вручен М.С. Воронцову для исполнения. Наместник указывал на необходимость отложить экспедицию до его личного и подробного ознакомления с делами, но желание императора Николая I унять Шамиля и присутствие большого количества войск на Кавказе в 1845 г. решили вопрос в пользу начала немедленных действий.

Войска, назначенные участвовать в экспедиции, прибыли большей частью из России, не имели понятия о Кавказской войне и тоже были определены из Петербурга. Таким же было большое число генералов, присланных в тот отряд, составивших большею частью лишь бремя для войск [1]. Поэтому результаты, достигнутые Даргинским походом в горы, были получены слишком дорогой ценой.

В Петербурге рассчитывали захватом резиденции имама окончательно сломить Кавказ, внушить горцам идею о всемогуществе России и заставить покориться. В основе такого расчета лежала мысль, может быть, правильная по отношению к Европе, но совершенно ложная для Кавказа [2].

Поход в горы, сначала легкий и почти без столкновений, делался постепенно кровавым и трудным во всех отношениях. Шамиль, понимая, что для открытого противостояния он не имеет сил, уступал весь атакованный край, разоряя и выжигая селения в надежде вредить русским во время их возвращения в свои крепости.

С 6 по 13 июня русские столкнулись с неприятелем, гораздо опаснее многих Шамилей вместе взятых – ужасная стужа, мороз и снег атаковали русские отряды, расположенные в горах вместе с генералом Пассеком, и несколько сот человек оказалось с обмороженными ногами, а более половины лошадей, на которых возили провиант, пропали.

Преодолев все трудности пути, Воронцов 6 июля достиг Дарго и после упорного боя войска заняли его. Возвращение отряда через дремучие Ичкерийские леса сопровождалось необычайными трудностями, связанными с беспрестанными атаками шамилевских войск и отсутствием провианта у русских. Войска вынуждены были пройти 5 верст самого трудного леса и с таким географическим местоположением, что «цепи ни справа, ни слева иметь было невозможно почти на всем протяжении» [3: 167].

Русским пришлось штурмовать 23 завала, устроенных горцами на единственной дороге. Завалы были взяты один за другим, но боковые выстрелы горцев на многих пунктах следования сильно вредили войскам. Личным мужеством и, разделяя труды и лишения войск, Воронцов сумел сохранить в них порядок и бодрость духа. Адьютантам приходилось чуть ли не силой выводить командующего из-под огня неприятеля.

Русские совершили восьмидневный переход из Дарго к Герзель-аулу в беспрестанных столкновениях с горцами. Арьергардом, составленным из

солдат Кабардинского полка, командовал генерал Лабынцев, и его твердость и хладнокровие определили относительно малый урон этой части русского отряда. По мнению англичанина Дж. Баддели: «Лучшие армии мира вряд ли могли пройти через все эти испытания и сохранить мужество» [4: 291]. Генерал Фрейтаг, спешивший навстречу отряду Воронцова, прорвал окружение шамилевских войск и, встретившись оба русских отряда, вышли на безопасную территорию. Заслуга в этом случае генерала Фрейтага была велика. Запоздай он хотя бы на сутки, может быть, последовало совершенное истребление отряда, изнуренного голодом и отягощенного большим количеством раненых [5]. Шамиль, померявшись силами с Фрейтагом, отошел, злясь на своих наивов за то, что они позволили русским уйти.

Оценивая исход экспедиции, М.С. Воронцов писал А.П. Ермолову: «Конечно, результатов больших нет и без какого-либо особого случая быть не могло, но мы повиновались воле Государя и общему мнению в России, и не показаться сего года в горах было бы стыдно» [3: 171].

А.П. Ермолов в ответ передавал М.С. Воронцову мнения бывших кавказских генералов, живших после отставки в Москве, на Даргинский поход. В Москве считали, что лучше было не ходить в горы, нежели главнокомандующему поставить себя в положение быть преследуемому и окруженному. Неудачное предприятие должно непременно возвысить славу Шамиля и даст ему большую власть. Если требовалось неотлагательное разрушение деревушки Дарго, лучше было поручить то кому-нибудь из генералов, чтобы оставался бы страх перед приходом самого главного начальника, который поправит, «буде бы что не хорошо было сделано» [3: 173]. Многие считали, что Воронцов проявил недопустимое безрассудство, если пять адъютантов вокруг него были подвержены опасности, а ему самому пришлось вынимать саблю в собственную защиту [3].

Сам Ермолов, оценивал результаты Даргинской экспедиции, хотя и сдержанно, но в пользу Воронцова. Он писал своему другу: «Твое значение, твоя известность служат тебе ограждением и недосыгаемостью. Между тем слишком ощутительно, что ты исполнителем был предначертанной цели <...> Для тебя хуже, если, по недостатку доверенности, скрыл от меня, что взятие Дарго требовалось настоятельно и безусловно» [3: 174].

М.С. Воронцов в ответ на обвинения в недопустимой для главнокомандующего неосторожности писал А.П. Ермолову: «Я не искал лично лишений опасности; это бы было не свойственно ни летам моим, ни месту мною занимаемому, хотя я не мог не чувствовать, что офицеру и солдату приятно и ободрительно, когда главный начальник не слишком далеко от них находится. Братское, так сказать, отношение во время огня между начальником и войском, особенно таким, как полки Кавказские, не может не иметь хорошего действия. В Ичкерийском лесу, и именно оттого более, что неприятель был не сзади, а впереди и по бокам, это само от себя сделалось, и я могу это приписать своему счастью» [3: 180].

Даргинская экспедиция вышла за рамки обычных событий, а слухи о ней всколыхнули российскую общественность. Всплеск общественного внимания был вызван огромными потерями в войсках: из 12-тысячного отряда около трети было убито и ранено.

Несмотря на то, что Даргинская экспедиция не достигла предписываемых ей целей и стоила больших потерь, император Николай I был благодарен М.С. Воронцову за то, что тот старался его план реализовать, а затем, после неудачи, не запятнал его имени при этом. Отсюда высокая оценка действий Воронцова – княжеский титул за Даргинскую экспедицию.

Официальный Петербург должен был выйти из положения, не роняя престижа. В результате российское общество получило официальное объяснение: несмотря на тяжелые условия и опасности, перенесенные войсками, наконец дано понять горцам, что русские войска способны проникнуть на территорию, считавшуюся до сих пор недоступной [6]. Эти выводы, по мнению официального Петербурга, должны были положить конец нежелательным толкам и пересудам, однако они не удовлетворили общество, и интерес к Даргинской экспедиции сохранялся на протяжении ещё многих последующих лет.

Библиографический список

1. *Удовик, В.А.* Светлейший князь Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель [Текст] / В.А. Удовик, В.О. Кацик. – СПб., 2000.
2. *Огарков, В.В.* Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность [Текст] / В.В. Огарков. – СПб., 1892.
3. Переписка князя М.С. Воронцова с А.П. Ермоловым [Текст] // Русский архив. – 1883. Кн. 1. – С. 162-203.
4. *Баддели, Дж.* Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860 [Текст] / Дж. Баддели. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 351 с.
5. *Ольшевский, М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год [Текст] / М.Я. Ольшевский. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. – 608 с.
6. *Лисицына, Г.Г.* Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников [Текст] / Г.Г. Лисицына // Даргинская трагедия. 1845 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. – 616 с.